

ОРИЕНТАЛИЗМ
VS.
ОРИЕНТАЛИСТИКА

Islamica & Orientalistica

Сборник статей

Ориентализм vs. ориенталистика

«Садра»

2016

УДК 327(4+73:100-11)+008(100-11)

ББК 327(0)+71

Сборник статей

Ориентализм vs. ориенталистика / Сборник статей — «Садра»,
2016 — (Islamica & Orientalistica)

ISBN 978-5-906016-88-1

В 1978 г. в свет вышла книга американского исследователя палестинского происхождения Эдварда Саида «Ориентализм», главный тезис который заключается в том, что академическая ориенталистика, помимо своей научной функции, долго обслуживала интересы империализма, подводя солидную теоретическую базу под оправдание экспансионистской политики, проводимой западными сверхдержавами на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе и внушая неискушенному обывателю страх перед «чужими», которые обязательно должны оказаться агрессивными врагами раз и навсегда установленного миропорядка. Выход настоящего сборника свидетельствует о том, что изучение последствий ориентализма продолжается не только в странах третьего мира и бывших колониальных метрополиях, но и в России. Объектом исследования большинства авторов сборника служат мусульмане – население регионов, традиционно исповедующих ислам, и мигранты, а также изучавшие их востоковеды эпохи колониальных империй и последовавшего за ней в России советского периода. Для широкого круга читателей.

УДК 327(4+73:100-11)+008(100-11)

ББК 327(0)+71

ISBN 978-5-906016-88-1

© Сборник статей, 2016

© Садра, 2016

Содержание

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	7
ВВЕДЕНИЕ	8
ОБРАЗЫ ВОСТОКА В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ	13
ОРИЕНТАЛИСТИКА И ОРИЕНТАЛИЗМ. ПОЧЕМУ КНИГА ЭДВАРДА САИДА НЕ ИМЕЛА УСПЕХА В РОССИИ?[9]	13
«ДРЕВНИЙ ВОСТОК» В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ Б.А. ТУРАЕВА И В.В. СТРУВЕ[27]	19
ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО НАСЛЕДИЯ	33
ОРИЕНТАЛИЗМ – НЕ ДОГМА, А РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ориентализм vs. ориенталистика: Сб. статей

Составители: В.О.

Бобровников, С.Дж. Мири

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISLAMICA & ORIENTALISTICA

Составители: В.О. Бобровников, С.Дж. Мири

Издание подготовлено при поддержке Фонда исследований исламской культуры

Рецензенты:

д. и.н. А.И. Миллер, к.и.н. Л.С. Перепёлкин

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Что такое ориенталистика? Казалось бы, ответ очевиден: ориенталистика – это наука о Востоке, населяющих его народах, их истории и культуре. Однако очевидное не всегда оказывается правильным или хотя бы однозначным. В 1978 г. в свет вышла книга американского исследователя палестинского происхождения Эдварда Саида «Ориентализм», в которой автор убедительно доказывал, что рассматриваемая дисциплина, помимо своей чисто научной функции, изначально обслуживает интересы империализма, подводя солидную теоретическую базу под оправдание экспансионистской политики, проводимой западными сверхдержавами на Ближнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Э. Саид сознательно использует именно этот термин – «ориентализм», а не «ориенталистика», ибо всякий «...изм» нередко несет в себе негативное начало. Убедительно рисуя яркий образ «другого», ориентализм, по словам Саида, делает законными колониальные захваты и порабощение «неразвитых» народов, намеренно искажает облик цивилизаций, не укладывающихся в «правильные» рамки западных стандартов, и внушает неискушенному обывателю страх перед «чужими», которые обязательно должны оказаться агрессивными врагами раз и навсегда установленного миропорядка. Книга Э. Саида произвела эффект разорвавшейся бомбы на Западе, однако в России была встречена более чем сдержанно. Почему? Вероятно, потому, что не все выводы ученого можно считать бесспорными. Мир сложен, помимо черно-белой градации в нем существует масса полутонов, и его нельзя так категорически делить на «черное» и «белое», «плохое» и «хорошее», как это – наверняка из лучших побуждений! – делает Саид.

Данный сборник статей, написанных известными российскими и зарубежными востоковедами, призван помочь читателю разобраться в упомянутой проблеме. Здесь найдутся аргументированные доводы как «за», так и «против» концепции Э. Саида. Внимательно изучив точку зрения каждого из авторов, вдумчивый читатель сможет составить свое собственное мнение о том, добро или зло несет людям ориенталистическая наука, беспристрастна она или выполняет вполне конкретную функцию по заказу власть имущих. Скорее всего, истина, как водится, лежит где-то посередине, а где именно – каждый, кто заинтересован в решении данного вопроса, вправе определить самостоятельно.

ВВЕДЕНИЕ

Сейед Джавад Мири, В.О. Бобровников

В 2012 г. в столице Татарстана, Казани, состоялся VIII Конгресс российских востоковедов, в котором довелось участвовать одному из авторов, редакторов и составителей этого сборника, Сейеду Джаваду Мири. Место для конгресса было избрано весьма символично. Как известно, Казань остается одним из древних исламских центров северной периферии мусульманского мира. С Казанью связано становление позднее переместившихся в Санкт-Петербург ориенталистских центров. В Российской империи Казань была одним из центров ориенталистики: в первой половине XIX в. академического направления, а позднее – православной, миссионерской школы, представленной такими громкими именами, как переводчик первого изданного в России перевода Корана с арабского оригинала на русский язык Г.С. Саблуков, организатор русско-татарских школ и разработчик алфавитов для российских мусульман Н.И. Ильминский. В Казани начинал свою деятельность один из зачинателей академической школы петербургской ориенталистики и исламоведения Мирза-Мухаммад Казем-бек (родом из иранского Азербайджана). По удачному выражению американского историка Р. Джераси, Казань служила для России «окном на Восток»¹, прежде всего в собственный Восток окраин империи.

Доклад С.Дж. Мири на конгрессе в Казани был посвящен вкладу европейской ориенталистики (востоковедения) в конструирование европейскими державами колониального Востока. Тема эта уже очень давно и плодотворно исследуется за рубежом, начиная с выхода в 1978 г. классического исследования Эдварда В. Саида об ориентализме. Саид весьма ярко и убедительно продемонстрировал, что знание о Востоке (научное, художественное, изобразительное и т. д.), последние столетия формировавшееся в европейских странах, никогда не было нейтральным по отношению к практике завоевания и подавления, которую Европа осуществляла во взаимоотношениях с «неевропейскими» (прежде всего восточными) культурами и территориями. Это знание, каким бы оно ни было – более правдивым или более ошибочным, более негативным или более положительным, являлось инструментом колониального угнетения. Ориентализм как «способ мысли» был также «западным способом доминирования, реструктуризации и властвования над Востоком»². Именно так с этого времени принято определять этот феномен в постколониальных исследованиях. Как и целый ряд других сюжетов новой и новейшей истории (например, этнические чистки, депортации целых народов и Холокост), ориентализм остается очень эмоциональной и болезненной, а в некоторых областях и табуированной темой исследований. Вместе с тем ни в бывших колониях западных держав, ни в бывших метрополиях, все равно – в Старом Свете или в Америке, исследования ориенталистского наследия не вызывают возражения в научной аудитории.

В своем выступлении С.Дж. Мири отметил в общем-то банальный факт, что ориенталистика представляет собой не только академическую дисциплину, в своих классических текстологических формах далекую от современной политики и погруженную в изучение книжных премудростей восточных рукописей, но также язык идеологии подчинения сконструированного европейскими колонизаторами Востока Западу, иными словами, влиятельный до сих пор политический дискурс. Большинство участников конференции представляло татарскую профессуру и интеллигенцию Казани. Это выступление их очень удивило. В последовавшей дискуссии, проходившей при этом в исключительно дружелюбной атмосфере, С.Дж. Мири попытался парировать критические замечания и вопросы ко мне вопросами, показывающими всю

---

¹ Джераси Р.П. Окно на Восток. Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013.

² Said E. W. Orientalism. 3rd ed. N.Y., 2003. P. 3.

условность понятия «Восток» как объекта востоковедения-ориенталистики-ориентализма. Где географически и хронологически начинается «Восток», и где он заканчивается? Иными словами, что связывает Татарстан и Туву, Иран и Китай, Индию и Египет? Ведь всё это – части одного «Востока», как утверждали ориенталисты? Какой «Восток» должны изучать востоковеды, скажем, в Узбекистане? Где проходит культурная граница между тюркоязычными мусульманами Татарстана и Турции, и по каким критериям ее можно определить? Неужели культурное различие между российским обществом и татарской культурой настолько меньше, чем между иранцами и татарами, что можно работать в Казани и изучать зарубежный Восток?

Однако чем больше он спорил, тем более чувствовал, что у нас нет общего языка, на котором можно вести плодотворную дискуссию. Наш спор оказался непродуктивным, поскольку исходные понятия его участников о востоковедении и представления о его месте в науке и обществе были различны. Русское понятие «востоковедение» подразумевает некий вид знания о Востоке. На английский язык его переводят как *Oriental studies* или *Orientalology*. Последнее понятие, однако, не в ходу в англоязычной терминологии современных гуманитарных и общественных наук. Как правило, его употребляют не в западных университетах, где студентов обучают востоковедным дисциплинам, а в исторических исследованиях, авторы которых пытаются избежать путаницы между ориентализмом (англ. *Orientalism*) как дискурсом, охарактеризованным Э. Саидом, и научной дисциплиной во многом немецкого академического происхождения (*Orientalology*)³. Само понятие «ориентализм», приобретшее в современных академических кругах после Саида чуть ли не позорную коннотацию, немецкого происхождения. Между тем, в XIX в. так называли классическое востоковедение, ориентированное на восточную филологию и изучение восточных рукописных памятников, весьма уважаемую в университетских и академических кругах дисциплину (которую, однако, Э. Саид определил как важную составляющую классического лингвистического ориентализма колониальной эпохи). В целом окончание на «-изм» говорит о связи понятия с идеологической конструкцией, которая навязана дисциплинарному способу классификации, а значит, востоковедение сродни социализму, либерализму, коммунизму и другим идейным течениям. К сожалению, всех этих, порою банальных, истин С.Дж. Мири не удалось донести до сознания коллег в Казани.

Конечно, спор о терминологии не всегда представляет серьезный научный интерес. Но в нашем случае за ним скрывается немало нерешенных научных вопросов. Эти и многие другие вопросы, возникшие в рамках поездки в этот регион, привели нас к мысли о важности современных последствий ориентализма как европоцентристского видения мира, которое тем или иным способом проявляется в различных областях социальных и гуманитарных наук. Кроме того, мы вдруг поняли, как ученым из разных регионов с колониальным и социалистическим прошлым трудно понять друг друга. В российской науке до сих пор в штыки встречают совершенно невинные академические попытки исследований в области исторической и социологической компаративистики, сравнивающие бывшие колонии западноевропейских держав, восточные окраины Российской империи и национальные республики и автономии Советского Союза. Многие российские гуманитарии все еще не осознали того факта, что Российская империя по сути явилась для татар колониальной силой. Оказывается, ощущать свое колониальное прошлое по сей день очень болезненно и неприятно. Колониальная тематика в российской историографии по-прежнему табуирована, причем особенно в бывших колониальных окраинах империи, а ныне регионах Российской Федерации. Кроме того, ложное представление о российско-советской (и региональной) исключительности мешает сопоставить яркие первоис-

---

³ Хорошим примером такого исследования служит недавняя английская версия исследования петербургско-ленинградской школы российского академического востоковедения Верой Тольц. См.: *Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Russia*. Oxford, 2011.

точники из России с аналогичными материалами из стран с колониальным, но не социалистическим прошлым.

* * *

Горькие раздумья моего соредатора вызывают у меня ответные, чуть более ранние, воспоминания и наводят на соображения о месте ориентализма в российской истории. Много из того, на что жалуется С.Д. Мири, вызвано непониманием ученых, говорящих на разных языках, позитивистском в России и постмодерновом за рубежом. Позитивизм, давно отошедший в историю в университетских и академических центрах на Западе, все еще определяет научную позицию и подходы российских востоковедов и в целом гуманитариев и обществоведов. Книга В. О. Бобровникова о мусульманах российского Кавказа, вышедшая в московском издательстве «Восточная литература» за год до смерти Э. Саида, в 2002 г., касалась роли ориенталистского дискурса в определении покорения, преобразования и изучения горцев-мусульман российского Кавказа в имперскую и советскую эпохи⁴. У Бобровникова тоже есть печальный опыт непонимания Саида в России. Он родился из рецензии на запоздалый и малоадекватный русский перевод «Ориентализма», выпущенный в 2006 г. и прочтенный переводчиком в весьма странном, чтобы не сказать неадекватном, национал-патриотическом ключе. В 2008 г. Бобровников написал большую статью о маргинальности восприятия Саида и в целом ревизионистской постколониальной науки в России⁵. Незадолго до сдачи рукописи статьи в печать он дал посмотреть ее одному известному востоковеду из Москвы на предмет возможных замечаний и поправок. Как же он был удивлен, получив назад рукопись с пометкой: «Это (концепция Э. Саида. – В.Б.) все не про нас. И не наши проблемы. Власть так долго давила нас (востоковедов. – В.Б.), что нечего напоминать нам сегодня про зажавшихся зарубежных ориенталистов».

Тем не менее не стоит принимать эти воспоминания слишком близко к сердцу. Отечественное востоковедение (и русистика) – отнюдь не закрытый от внешних влияний заповедник колониального знания. За последние два десятилетия появилось немало интересных работ и новых направлений, включая исследования ориенталистского дискурса в Российской империи и Советском Союзе. Тема ориентализма рассматривалась в упомянутой выше монографии Джераси. Ей была посвящена вышедшая в 2002 г. книга О. Джерсилда «Ориентализм и империя» про опыт изучения и покорения империей Кавказского края, в первую очередь на территории сконструированной империей Грузии и пограничных с ней мусульманских земель региона⁶. В этих работах понятие «Восток» имеет не чисто географическое значение, а обозначает целый ряд предположений и социальных стереотипов об отсталости и невежестве народов, населяющих эти территории, по сравнению с европейской частью страны и с Европой вообще. Как известно, Саид построил свой «Ориентализм» преимущественно на британских и французских колониальных примерах. Здесь неизбежно возникает вопрос: насколько его подход применим к другим империям колониальной эпохи – Германской, Российской, Османской, Китайской? Особенно интересен в этом отношении пример трех последних. Будучи в глазах «Запада» Востоком, они в силу своего географического положения и исторических традиций демонстрировали разные варианты восприятия политического, социокультурного и управленческого поведения в отношении азиатских народов. В частности, у Российской империи наряду с внешнеполитическими имперскими стратегиями на Западе и Востоке была не только своя внутренняя Европа, но и своя внутренняя Азия и свои «чужие» – «азиатцы», послужившие

---

⁴ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. М., 2002.

⁵ Бобровников В.О. Почему мы маргиналы? Заметки на полях русского перевода «Ориентализма» Эдварда Саида//Ab Imperio. 2008. № 2. С. 325–344. Эта рецензия послужила основой для одной из статей настоящего сборника.

⁶ Jersild A. Orientalism and Empire. Montreal, 2002.

материалом (и участником) самых различных социальных экспериментов XVIII–XX вв., свой «внутренний ориентализм», разбору отличий которого от европейских образцов уделило внимание немало специалистов по русской истории в России и за рубежом. Еще в первой половине 2000-х годов на страницах американского исторического журнала «Критика» развернулся спор, насколько модель ориентализма, предложенная Саидом, имеет универсальное значение и, в частности, насколько она применима к истории царской России. Впоследствии эта подборка статей была напечатана в виде книги на английском и даже чуть раньше как часть сборника «Российская империя в зарубежной историографии» – на русском языке⁷.

Выход настоящего сборника свидетельствует о том, что проблематика ориентализма находит понимание не только в странах третьего мира и бывших колониальных метрополиях, но и в России. Исследования в этой области продолжаются. Книга эта выросла из небольшого сборника, изданного на английском языке Сейедом Джавадом Мири в Великобритании в 2013 г.⁸ Ее выпустил Институт гуманитарных исследований и культурологии в Лондоне. В сборник вошли преимущественно работы специалистов в области социальной теории и отдельных антропологов. Ни один из них Россией специально не занимался. В выпускаемой ныне книге публикуются переводы статей из сборника 2013 г. Вместе с тем в него вошли работы российских востоковедов, историков-русистов и антропологов. Объектом исследования большинства из авторов сборника служат мусульмане – как население регионов, традиционно исповедующих ислам, так и мигранты, а также изучавшие их востоковеды эпохи колониальных империй и последовавшего за ней в России более чем 70-летнего советского периода. Российские участники сборника относятся к разным научным школам, научным и образовательным учреждениям, при этом большинство из них представляют академический Институт востоковедения в Москве. Тематически книга делится на пять больших разделов. В первом из них исследуется опыт концептуализации Востока в позитивистской ориенталистике XX в., а также ее ответы на вызовы постколониальных исследований и, в частности, концепции Э.В. Саида. Во втором предложен анализ интеллектуального наследия ориентализма в современном социальном знании. Здесь исследуются причины неприятия подхода Саида на постсоветском пространстве и региональные особенности поздних советских форм классического лингвистического ориентализма на примере советской Средней Азии и Казахстана. Третий раздел посвящен проектам, которые власти колониальных держав разрабатывали совместно с ориенталистами для того, чтобы переварить в недрах империи своих «чужих», от бедуинов на границах Османской империи, после Арабского восстания 1916–1918 гг. частью превратившихся в поданных Британской империи, до российских «восточных инородцев» и «туземцев», включая так называемых сартов, под которыми Российская империя понимала завоеванное оседлое мусульманское население Туркестана. Одним из постулатов ориентализма Саид верно называет извечный страх перед «восточной опасностью», все равно – желтой ли, китайской, или зеленой и черной, исламской. Эта тема определяет четвертый раздел сборника. Наконец, заключительный, пятый, раздел книги разбирает варианты ориенталистского дискурса, определившие восприятие «Востока» в европейской философии, культурологии и политологии времен краха колониальных империй, их тоталитарных преемников (в Третьем рейхе времен Второй мировой войны) и относительно недавнего постколониального прошлого.

Ключевыми понятиями статей настоящего сборника являются: ориенталистика (востоковедение), ориентализм, сконструированный последним Восток, а также образы «Другого», или «Чужого». Некоторые из них выходят за пределы концепции ориентализма в ее понимании Э.В. Саидом и его последователями. Второй сквозной темой сборника наряду с ориентализмом

---

⁷ Orientalism and Empire in Russia / Ed. by M. David-Fox, P. Holquist, A. Martin. Bloomington, 2006; Российская империя в зарубежной историографии / сост. П. Верг, П.С. Кобытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 273–388.

⁸ Orientalism: A Eurocentric Vision of the Other' / Ed. by Seyed Javad Miri.L.,2013.

служит тема «Другого». В современной социальной науке можно выделить несколько трактовок этого понятия. Они условно представляют два типа. Здесь инаковость рассматривается как аномалия одинаковости, как проблема, которую следует преодолеть. Второй тип представлен воображаемыми идентичностями «Востока». Он, напротив, понимает «Другого» как «непохожего», «чужого». Инаковость в этом случае является особой ценностью, лежащей в основе всей нашей жизни, а сосуществование в режиме инаковости – своеобразным моральным императивом диалога у Бахтина, к которому мы все должны стремиться или, по крайней мере, уметь с ним жить. Примеры «Других», представленные в данной книге, довольно многообразны. Они варьируют от «замиренных» (читай: покоренных), но не до конца поглощенных империями и потому не вполне натурализованных ими «туземцев» и «инородцев» великих европейских держав колониальной эпохи до не своих «Чужих», которыми империи колониальной эпохи так любили жонглировать, с легкостью меняясь населением своих пограничных территорий, примером чему может служить горестная судьба так называемых черкесских мухаджиров, выброшенных с только что завоеванного Россией Кавказа и абсорбированных Османской империей, а после ее распада – национальными государствами Ближнего Востока и Балканского полуострова с этническими и конфессиональными меньшинствами.

Эти и другие темы служат предметом изучения статей настоящей книги. На сколько она удалась, судить читателям. Нам, как составителям и редакторам сборника, хочется надеяться, что аргументы авторов публикуемых в этой книге статей найдут больше понимания, чем доводы Сейеда Джавада Мири, превратно понятые на казанском конгрессе востоковедов, с рассказа о котором мы начали это Введение. В любом случае выход настоящего сборника свидетельствует о том, что исследование ориенталистских сюжетов в социальных науках продолжается и что при всех региональных и временных нюансах ориентализм и понимание «Чужого» в одной, отдельно взятой стране, не имеет исключительности и следует общей логике дискурса ориентализма.

ОБРАЗЫ ВОСТОКА В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ОРИЕНТАЛИСТИКЕ

ОРИЕНТАЛИСТИКА И ОРИЕНТАЛИЗМ. ПОЧЕМУ КНИГА ЭДВАРДА САИДА НЕ ИМЕЛА УСПЕХА В РОССИИ?⁹

Л.Б. Алаев

В последние десятилетия наметилась тенденция переосмысления основ науки о Востоке. Востоковедение (ориенталистика) – некогда уважаемая и уважающая себя наука, гордившаяся тем, что бескорыстно трудится в трудных условиях, изучая неевропейский мир с тем, чтобы открыть культуру и историю этих народов опять же всему миру, – вдруг была обвинена в том, что она – наука колониальная, обслуживающая интересы западных колонизаторов, работающая вовсе не для изучаемых народов, а для европейцев, пронизанная европоцентризмом и презрительным отношением к туземцам, т. е. и не наука вообще.

Совершил это американец арабского (палестинского) происхождения Эдвард Саид (1935–2003), преуспевающий по всем западным меркам профессор-филолог, который вдруг вспомнил о своей палестинской родине, принял самое активное участие в деятельности Организации освобождения Палестины (ООП), одно время даже оспаривал руководство у Ясира Арафата. Но американское гражданство все же помешало ему стать своим среди палестинцев, и он отошел от движения. Книга Саида, вышедшая в 1978 г.¹⁰, прозвучала как крик «А король-то голый!». Лейблом ориентализма он заклеил практически все, что сделано западными учеными, писателями, журналистами, политиками в изучении неевропейских стран.

Справедливости ради стоит отметить, что негативное отношение к слову «востоковедение», «ориенталистика», *Oriental studies* появилось и стало крепнуть задолго до блестящей книги Саида, в период распада колониальных империй в середине XX в. Причем, это проявилось не только на Западе и в странах третьего мира, но и в Советском Союзе. Среди востоковедов все большую роль стали играть ученые из самих так называемых восточных стран, и для них называть ту науку, которой они занимались, «востоковедением» было весьма странно. Регулярно проводившиеся международные конгрессы востоковедов были переименованы в «Международные конгрессы по изучению Азии и Северной Африки», а Институт востоковедения Академии наук СССР накануне очередного конгресса в 1960 г., который проходил в Москве, был переименован в Институт народов Азии, при этом из него был выделен Институт Африки. А журнал «Проблемы востоковедения» получил новое название: «Народы Азии и Африки».

Впрочем, от понятия «востоковедение» в нашей стране не отказались. Вскоре Институту востоковедения вернули его изначальное имя. А когда в 2004 г. очередной съезд востоковедов вновь состоялся в Москве, то его название по-английски звучало “*International Congress of Asian and North African Studies*”, а по-русски – «Международный конгресс востоковедов». Тогдашний

---

⁹ Статья написана на основе доклада на конференции «Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм», состоявшейся в Московском государственном институте (университете) международных отношений (МГИМО) в Москве 15–16 ноября 2013 г.

¹⁰ В 2006 г. появился ее полный русский перевод. См.: Саид, Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. Говорунова. СПб.: Русский Мфь, 2006.

директор Института востоковедения Р.Б. Рыбаков настоял на таком расхождении в названии на разных языках.

В нашей стране книга Саида не произвела серьезного впечатления, что само по себе симптоматично. Но, чтобы понять причины этого явления, нужно прежде познакомиться со взглядами самого Эдварда Саида. Он называет ориентализмом (англ. из нем. *Orientalism*) три различных явления, хотя и утверждает, что они тесно связаны друг с другом:

1. «Академическое определение» – «всякий, кто преподает Восток, пишет о нем или исследует его... оказывается ориенталистом».

2. Ориентализм в более широком понимании – это «стиль мышления, основанный на онтологическом или эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”». Такой ориентализм вмещает в себя Эсхила и Виктора Гюго, Данте и Карла Маркса»¹¹.

3. Третье значение ориентализма: «западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком». Из-за этого ориентализма «Восток не был (и не является до сих пор) свободным предметом мышления и деятельности». «Существует целая сеть интересов, которые неизбежно затрагиваются... всегда, когда только дело касается этой специфической сущности, под названием “Восток”»¹².

Поясняя свое видение этого понятия, Саид пишет: «Ориентализм не есть ни только лишь политическое образование или сфера, пассивно отражаемая культурой, гуманитарной наукой или институтами, ни громадное и хаотичное собрание текстов о Востоке, ни выражение и проявление какого-то гнусного “западного” заговора с целью держать “восточный” мир в подчинении. Скорее это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты»¹³.

Он «не состоит в непосредственных отношениях с политической властью как таковой», но он «производится и существует в неравном обмене с различными видами власти»¹⁴.

Надо сказать, что ориентализм в широком смысле старше колониализма и капитализма. Это вовсе не порождение XIX века, как думает современный российский обществовед и публицист А.И. Фурсов¹⁵. Он начинается с древних греков, которые изобрели деление человечества на Ориент и Окцидент, на граждан и варваров; с наших предков, для которых народы, приходившие с востока, были погаными, или бусурманами, с «восточных мотивов» в творчестве сонма европейских классиков от Гёте до Есенина. Для постсоветских людей, коими мы являемся, особое значение имеет осознание того, что истинными «ориенталистами» в саидовском смысле были Г.В.Ф. Гегель и его ученик Карл Маркс. Именно они отводили Востоку роль детства человечества, ставили его на первую ступень в историческом развитии.

По сути тот же ориентализм послужил в первой половине 1920-х годов подсознательным базисом большевистского отношения к Востоку как к «резерву пролетарской революции». Н.И. Бухарин в свое время выразил это образно и четко: «Восток – пехота международной революции». Отношение к Востоку как к объекту манипулирования преобладало в период холодной войны, когда оба лагеря хотели использовать национальные чувства и национальные движения против соперника, при этом не замечая (закрывая глаза на то), что на самом деле страны третьего мира использовали соперничество великих держав в своих интересах.

У Саида часто проскальзывает мысль, что востоковедение не сводится к идеологии покорения Востока, что оно содержит позитивное знание (однажды я даже встретил у него выра-

---

¹¹ Саид Э. В. Ориентализм. С. 9.

¹² Там же. С. 10–11.

¹³ Там же. С. 23–24.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Фурсов А.И. Операция «Ориентализм». Доклад. М., 2004. В особенности см.: с. 31.

жение «гуманистические ценности ориентализма»¹⁶), но нигде он не формулирует прямо, что так называемые ориенталисты (как бы ни относиться к такому их «званию») много сделали для того, чтобы изучить историю и культуру восточных цивилизаций и опубликовать знание о Востоке не только для европейского потребителя, но и для самих восточных народов. Что касается Европы, ориенталисты «обслуживали» не только колонизаторов (военных, чиновников, бизнесменов), но и широкие массы общественности, раскрывая перед ними неевропейский мир. Востоковедение предоставляло материал не только для обоснования колониальной политики и подпитки имперского духа, но и для критики этой политики и для воспитания в Западной Европе идеологии толерантности и уважения к другим народам. Надо бы отдать справедливость западному востоковедению. Одновременно с формированием инициативного буржуа в позднесредневековой Европе формировался и новый человек – исследователь. Европейцам было интересно знать о мире. Они лезли в страны с неблагоприятным для них климатом не только из жадности, но и из страсти к знаниям. Да, при этом они невольно (или вольно) работали на свою родину. Но их побуждения нередко были самыми светлыми, самыми благородными. И они дали народам Востока их географию, их историю, их этнологию и проч. и проч. И тот же самый ориентализм дал зарождавшимся на Востоке политическому классу и интеллигенции материал для осознания национальной идентичности и формулирования идей освободительного движения.

Изучение неевропейского мира, востоковедение, не только выполняло свою «титულную» задачу – давало европейцам знание о других странах, но и способствовало развитию прочих наук, науки в целом: географии, этнографии (антропологии, социологии), ботаники, зоологии, геологии. Ламарк и Дарвин не смогли бы появиться без роста знаний о мире и его населении.

Но Саид постоянно «затирает» эти факты оговорками, что все же более важно – это проступающий сквозь тексты западных ученых ориентализм. При этом он не гнушается вульгарных формулировок типа: «политический империализм направляет всю сферу исследования, воображения и научных институтов... таким образом, что обойти его интеллектуально или исторически невозможно»¹⁷. В конце концов, Саид поставил перед собой именно такую задачу: дать не объективный историографический анализ востоковедных исследований, а разоблачить «истинные» европейские интересы.

В книге анализируются только британская и французская литература о Востоке, затем также американская. В основном Саид иллюстрирует свои тезисы примерами исследований, посвященных Ближнему Востоку и, отчасти, Индии. Но его выводы имеют гораздо более широкое значение: относятся и к другим национальным школам востоковедения, и к другим регионам Востока.

В формулировках Саида много справедливого. Конечно, «Ориентализм – это не легкомысленная европейская фантазия по поводу Востока, но рукотворное тело теории и практики, в которое на протяжении многих поколений шли значительные материальные инвестиции».

Верно, что наличие Востока давало Европе сознание своей идентичности, питало «идею европейской идентичности как превосходства над всеми другими неевропейскими народами и культурами»¹⁸. Здесь сразу хочется уточнить, что и для остальных народов противопоставление себя «другим» являлось средством выработки идентичности. И это чувство инаковости обязательно приводило к идее превосходства над другими. Вспомним хотя бы китайское убеждение, что ханьцев окружают только варвары. И эта идея, безусловно, спланивала Китай. Вспомним и индусское убеждение, что вся человеческая мудрость заключена в Ведах.

---

¹⁶ Саид Э.В. Ориентализм. С. 172.

¹⁷ Саид Э.В. Ориентализм. С. 26.

¹⁸ Саид Э.В. Ориентализм. С. 16.

Справедливо замечание, что «Европейская культура выиграла в силе и идентичности за счет того, что противопоставляла себя Востоку как своего рода суррогатному и даже тайному “Я”»¹⁹. Но европейцев нельзя обвинять в том, что они «смотрели» и мотали на ус, а азиаты не смотрели и ничему не учились. Да, изучение Востока европейскими учеными означало символическое присвоение его природы, истории, народов. Скажем, выход в Голландии книги «Птицы Явы» означало «присвоение» Европой индонезийской природы. Публикации книги о каком-то народе или племени означало присвоение данных об этом народе европейской наукой для понимания всемирной истории, т. е., в конечном счете, все той же европейской истории. Но индонезийцы не писали книг «Птицы Европы» и не изучали народы Европы, чтобы понять свою историю.

Саид с горечью отмечает: в арабском мире не было ни одного крупного журнала по арабистике. Не было ни одного университета, сравнимого с Гарвардом, Оксфордом, Калифорнийским университетом. Нет на Востоке и профессиональных организаций, занимающихся, к примеру, изучением Соединенных Штатов как культуры. Спрашивается, кого за это можно винить? Я не проверял этих данных Саида, и дело не в том, точны ли они. В данном случае важно именно его мнение, его признание, что диспаритет знаний о Востоке на Западе и знаний о Западе на Востоке в значительной степени является следствием пассивности восточной научной мысли.

Безусловно, западное востоковедение проникнуто европоцентризмом. Восток сознательно или подсознательно понимается как «отклонение» от «нормального» (европейского) пути. Но такое положение создалось объективно. Если бы не португальские каравеллы пришли в Индийский океан, а флотилии Чжэн Хэ появились в Атлантическом океане, то, возможно, Восток стал бы пониматься как эталон, от которого Запад «отклонился». Ориентализм существует как реальное явление, как комплекс знаний (как бы он ни был заражен европоцентризмом), а оксидентализма как комплекса знаний нет. Он возникает только как пропагандистский концепт, как эмоциональная реакция на продолжающееся активное изучение Востока западными учеными²⁰.

Саид прав, что не существует четкой грани между «чистым» и «политическим» знанием²¹. Несомненно, что окружающая действительность влияет на исследования. Конечно, британец или американец подходит к материалу прежде всего как британец или американец, а лишь затем как индивид, объективный исследователь²². Востоковедение действительно стоит рядом с политологией и, следовательно, с политикой и взаимодействует с ней по нескольким линиям:

- 1) политики используют данные, добытые научным путем;
- 2) исследователи (сознательно или подсознательно) нацеливаются на «актуальные» темы, которые оказываются полезными для военных и дипломатов.

Но все это не обязательно плохо, потому что в идеале для использования востоковедения в политике факты, добытые учеными, должны быть надежными, т. е. объективными, отражающими действительность, т. е., в конечном счете, увеличивающими знания.

В значительной мере справедливы слова Саида: в трудах западных ученых «восточный человек изображен как тот, кого судят (как в суде), кого изучают и описывают (как в учебном плане), кого дисциплинируют (как в школе или тюрьме), кого необходимо проиллюстрировать

---

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ А.И. Фурсов, который во всем видит происки господствующих классов и передовых стран, упрекает западных ученых, что они, разработав востоковедение (ориентализм), не создали оксидентализм (Фурсов А.И. Операция «Ориентализм». С. 30). Но чтобы противопоставить эти два понятия, под оксидентализмом следует понимать науку, которую могли бы создать восточные ученые.

²¹ Саид Э. В. Ориентализм. С. 19.

²² Там же. С. 22.

(как в зоологическом справочнике)»²³. Возникает вопрос: а какова во всем этом роль самого «восточного человека»? Почему он позволяет себя постоянно судить, воспитывать и т. п.?

Книга Саида прозвучала как разорвавшаяся бомба. В течение нескольких лет она была переведена на многие языки и стала бестселлером. Ее успех в странах Востока понятен. Она отвечала глубокому убеждению, взлелеянному еще в колониальный период, что во всех бедах Востока виноват Запад. Но ее успех в бывших метрополиях вызывает раздумье. Оказалось, что западные ученые несколько веков пребывали в счастливой уверенности, что они занимаются чистой наукой, не имеющей никакого отношения к политике, и что отношение к Востоку как к подопытному существу – это совершенно безобидная позиция. Оказалось, что научная общественность Европы и Америки (не только востоковедная) не привыкла анализировать свое собственное существование, характер своей работы. Между тем давно уже было понято, что востоковедение по происхождению – колониальная наука, что она возникла как побочный продукт «интереса» к Востоку (в данном случае слову «интерес» можно придать самое материалистическое значение – поиски прибыли) и идеологически обслуживала колониальную политику. Кроме того, совершенно ясно, что в гуманитарных исследованиях большую роль играет субъективизм автора. Целое направление науковедения, или гносеологии, посвящено изучению субъективного фактора в познании. Так что ничего нового в книге Саида не содержалось.

Более того, даже тесная связь между наукой (в данном случае исторической) и политикой государства тоже не была секретом для думающих ученых. Скажем, Уильям Мак-Нил, один из столпов мировой исторической науки, рассказывая о возникновении направления «всемирной истории» и, в частности, о возникновении замысла своей книги «Подъем Запада», откровенно писал, что эта книга «должна рассматриваться как выражение послевоенного имперского настроения в Соединенных Штатах. Ее охват и концепция являются формой интеллектуального империализма, так как она охватывает мир в целом, пытается понять глобальную историю на основе концепции культурной диффузии, развивавшейся среди американских антропологов в 1930-х годах»²⁴.

Реакция западной общественности на книгу Э. Саида показала, что в обществе преобладают наивные люди, с детской доверчивостью верящие в свою объективность и свободу от стереотипов, бытующих в обществе.

Вернемся к вопросу о том, почему книга Саида не встретила взрыва интереса на советском и постсоветском пространстве. Она была переведена на русский язык только спустя 28 лет, да и после этого не стала предметом серьезных дискуссий. У меня есть два дополняющих друг друга объяснения. Во-первых, книга Саида была «не про нас». Культивировалась идея, что Россия никогда не была в полном смысле колониальной державой, что в Российской империи все нации и конфессии мирно уживались, а в Советской державе вообще процветала «дружба народов», одна сплошная «Свинарка и пастух». Мы до сих пор, как мне кажется, не понимаем, насколько мы, русские, этноцентричны, как мы ежеминутно отталкиваем от себя другие этносы. Я вовсе не хочу сказать, что обострение национальных отношений в современной России – это вина русских. Но отсутствие внятной национальной политики – это печальный факт.

Во-вторых, мы воспитывались в атмосфере всеобщего служения государству. Для нас «практическая значимость» научных работ считается главным оправданием самого их существования. Советские ученые-гуманитарии не просто работали в тиши кабинетов (или «в поле»), но находились «на переднем крае идеологической борьбы». Такая официальная формулировка употреблялась в резолюциях партсобраний и в письмах «наверх», особенно когда

---

²³ Саид Э.В. Ориентализм. С. 63.

²⁴ См.: McNeill W.H. The Rise of the West after Twenty-Five Years // Journal of World History. Vol. I. No. 1. Honolulu, 1990. P. 1–2. Эту же цитату в русском переводе, несколько отличающемся от моего, см.: Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. С авторским ретроспективным предисловием. Киев; М., 2004. С. 13.

надо было обосновать нашу, ученых, нужность для страны и для начальства. Главным смыслом участия советских ученых в международных конгрессах и конференциях было «дать отпор» так называемым «буржуазным ученым». Так что нашу ангажированность мы не только осознавали, но и гордились ею.

Раскритиковав ориентализм, Саид не предложил ничего взамен. Скажем, он сетует, что на Западе господствует подход к Востоку как к чему-то единому и неизменному. Не учитываются, мол, цивилизационные различия, а также эволюционные изменения. Но и он не предлагает иных подходов, например, не делает акцент на многообразии восточных цивилизаций, не предлагает свое понимание эволюции стран Востока в ходе истории. Он выступает против стереотипов, утвердившихся в Европе, относительно «восточных людей», но не утверждает, что «восточные» люди ничем не отличаются от «западных». Не принимая обобщений типа «восточная ментальность», Саид всю западную мысль обобщает понятием «ориентализм» и не стремится разобраться в разных ее направлениях. «В задачи данной книги, – заявляет он, – не входит обсуждение того, существует ли нечто такое, как реальный или подлинный Восток»²⁵. И далее: «Моя задача состояла в том, чтобы описать определенную систему идей, но ни в коем случае не заменить ее другой системой»²⁶. Ну что ж, зафиксируем, что своей концепции Востока, его истории, а также методологии иного способа изучения Востока, чем «ориентальный», Эдвард Саид не выдвинул.

Да, ориентализм в понимании Саида существует. Он выражается в покровительственном, снисходительном отношении к восточным народам; в облегченных, поверхностных способах его познания (типа знаменитой фразы «Восток – дело тонкое»). Да, эта тональность влияет на самые глубокие научные работы о Востоке. Но это надо просто осознавать, бороться с этим, как борются все гуманитарии с субъективизмом.

Так что ажиотаж вокруг книги Саида был по крайней мере излишен. Но его выводы следует учитывать всем востоковедам и постоянно следить за собой, стараясь подходить к предмету своего изучения беспристрастно и не зашоренно догматами и стереотипами.

---

²⁵ Саид Э.В. Ориентализм. С. 499.

²⁶ Саид Э.В. Ориентализм. С. 505.

«ДРЕВНИЙ ВОСТОК» В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ Б.А. ТУРАЕВА И В.В. СТРУВЕ²⁷

А.О. Захаров

Изучение интеллектуальных процедур, посредством которых создаются объекты познания, имеет долгую историю. Но в области изучения древней истории подобного рода исследования распространены сравнительно слабо. В данной статье хотелось бы в некоторой мере восполнить этот пробел рассмотрением двух концепций «древнего Востока», предложенных в отечественной историографической традиции Б.А. Тураевым и В.В. Струве.

Базовой операцией познания является синтез, т. е. «присоединение различных представлений друг к другу и понимание их многообразия в едином акте познания», причем он «есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души»²⁸. Таким образом, анализ построений отечественных историков основывается на предположении, что созданный ими объект, а именно древний Восток, есть результат синтеза определенных созерцаний, синтеза, осуществленного посредством категорий рассудка и идей разума. Следовательно, *a priori* предполагается, что только созерцаний недостаточно для познания: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы»²⁹. В деятельности историков созерцаниями являются источники, содержащие весьма разнородные сведения, и труды других историков, предшественников и современников. Предлагаемая вниманию читателей работа имеет своими источниками тексты, созданные в российской историографической традиции, что делает возможной ее эмпирическую проверку. Целью ее является установление тех способов, посредством которых создается древний Восток, и его логического статуса.

Начнем с построений Б.А. Тураева. Он пишет: «История древнего Востока – первая глава истории человечества, история цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству»³⁰. Отсюда следует, что до «истории древнего Востока» истории человечества не было, что подтверждается указанием Б.А. Тураева на существование «доисторических культур»³¹. Эти идеи восходят к Г.В.Ф. Гегелю³². Высказывание Б.А. Тураева предполагает идею человечества как единого субъекта истории, следовательно, сама история возможна лишь в форме всемирной (*Weltgeschichte*). Далее, эта история характеризуется посредством уподобления книге, включающей ряд глав (с литературной точки зрения – метафорически), при этом «древний Восток» есть лишь первая из них и уже завершившаяся³³. Это приводит к мысли о том, что всемирная история есть стадийный процесс и что отнюдь не все сообщества людей в ней участвовали. Но так как всемирная история включает в себя ряд «глав» (стадий, этапов), то ее субъект претерпевает изменения (поскольку в противном случае эти этапы нельзя было бы отличить друг от друга). Изменение же может мыслиться только при наличии субъекта, минимум два состояния коего должны быть зафиксированы: начальное и конечное, времени,

²⁷ Статья представляет собой переработанную версию части исследования, опубликованного в кн.: Захаров А.О. Очерки истории традиционного Востока. М., 2007. С. 161–190. См. также: *Восток*. 2008. № 1. С. 11–24.

²⁸ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft*. Riga, 1e Ausg. 1781. 2e Ausg. 1787.

²⁹ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft*. Riga, 1e Ausg. 1781. 2e Ausg. 1787. В 75.

³⁰ Тураев Б.А. История древнего Востока / под ред. В.В. Струве и И.Л. Снегирева. Т. I. Л., 1935. С. 1.

³¹ Там же. С. 27.

³² См., например: *Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории* / пер. с нем. А.М. Водена. СПб., 2000.

³³ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. С. 3–4.

благодаря которому два разных состояния предципируются одному субъекту, и наблюдателя, который, находясь в третьей временной позиции, зафиксировывает субъекта изменения минимум в двух его состояниях³⁴. Следовательно, представление о древнем Востоке возможно посредством такой априорной формы созерцания, как время. Лишь мысля время в образе линии, можно соединить количественную характеристику – «первая глава» – с качественной, так как речь идет об истории человечества и «древнем Востоке». Важно отметить, что нет ни одного древневосточного текста, который содержал бы этот предикат («древневосточный») в качестве своей характеристики. Именно историки относят те или иные созерцания и реконструируемые феномены к тому или иному временному периоду.

Процитируем один из абзацев «Введения» для того, чтобы сопоставить его с приведенным выше определением истории древнего Востока и еще рядом высказываний: «Термин “Восток”, который мы прилагаем к странам, выработавшим начало всемирно-исторической цивилизации, представляет собой наследие римского времени и той культурной двойственности, при которой романизованному Западу противопоставлялся эллинистический Восток. Сначала для римлян “Востоком” было все за Иллирией... Однако, неоднородность этого “Востока” сознавалась его населением и выражалась... в реакциях против эллинизма. Уже диоклетиано-константиновская префектура “Oriens” обнимает только Египет и переднеазиатские провинции империи... диоцез “Oriens” уже ограничивается только

Сирией. Таким образом, наш термин греко-римского происхождения, но для классических народов он был скорее географическим, чем культурно-историческим. Для нас дело обстоит иначе. С одной стороны, наша цивилизация захватила район неизмеримо больший, чем классическая, и проникла в страны, для которых области древних цивилизаций отнюдь не могут быть названы восточными, с другой – и древневосточная культура имела свое распространение на западе и на юге и... тем самым сделала “древний Восток” условным культурно-историческим термином для обозначения стран древних цивилизаций, возникших к востоку от Греции и непосредственно хронологически и духовно предшествовавших греко-римской»³⁵.

Анализируя эти строки, можно сделать ряд наблюдений. Во-первых, здесь указывается, что «древний Восток» есть условный термин, а это означает, что характеристика содержащихся под ним элементов как «первой главы всемирной истории» проблематична. Правда, Б.А. Тураев в другом месте монографии определяет «древний Восток» как «область культуры, зародившейся в подтропических странах, примыкающих к восточным берегам Средиземного моря, и распространившейся до Индии, Атлантического океана и тропической Африки. От дальневосточных цивилизаций она отделялась непроходимой стеной Гиндукуш и Соломоновых гор»³⁶. Здесь речь идет уже об «области культуры» в единственном числе, но тогда почему ранее Б.А. Тураев приписывает термину «древний Восток» условный характер? Поскольку же он неоднократно использует выражения «древневосточный мир» и «древневосточная культура» в целом³⁷, постольку можно сделать вывод о противоречии в определениях, данных объекту изучения.

Одно из замечаний Б.А. Тураева делает «древний Восток» именем самостоятельного исторического агента: «Древний Восток давно привык к смешению рас и иноземным влады-

³⁴ Почему наблюдатель должен находиться в третьей (логически) временной позиции, объясняется тем, что мысль о двух состояниях субъекта изменения, удерживающая их в одном самосознании (благодаря чему возможно их различение), явно не может быть тождественна этим состояниям. См.: *Kant I. Kritik der reinen Vernunft*. В 48–49, 149, 230; *Danto AC. Analytical Philosophy of History*. Cambridge, 1965. P. 235–236; *Захаров А.О.* Проблема понятия государства на традиционном Востоке в отечественной историографии (теоретические размышления) // *Восток*. 2005. № 6.

³⁵ *Тураев Б.А.* История древнего Востока. Т. I. С. 2.

³⁶ Там же. С. 59.

³⁷ Там же. С. 61, 121; Т. II. С. 56, 201.

чествам»³⁸. А три других высказывания Б.А. Тураева окончательно убеждают в том, что данные «древнему Востоку» дефиниции противоречивы в указанном выше смысле: «...история древнего Востока представляет единственный пример совершенно законченной исторической жизни народов, большей частью окончательно сошедших с исторической сцены... Представляя вполне законченное целое, история древнего Востока должна иметь особенный интерес для исследователей... Если и в прошлом столетии на обособленности древневосточных цивилизаций едва ли можно было настаивать, хотя бы уже ввиду ассирийских завоеваний, то в настоящее время новые открытия ее совершенно опровергли, и мы располагаем крупными данными, позволяющими видеть в интересующем нас предмете не комплекс бессвязных историй отдельных стран, а действительно первый отдел всемирной истории»³⁹. Здесь целостный и отнюдь не условный характер изучаемого объекта подчеркнут с исчерпывающей полнотой.

Для Б.А. Тураева вполне естественно говорить и о «Востоке» как таковом, но не столько в географическом, сколько в «культурно-историческом» смысле: «Около двух тысячелетий, несмотря на погромы и попытки уничтожения (Синаххериб, Ксеркс), несмотря на превратности политических условий, оставался этот город (Вавилон. – А.З.) метрополией Азии, что наиболее красноречиво засвидетельствовал Александр Великий, сделав его столицей новой империи, призванной примирить Восток и Запад»; «Как бы ни были настроены вассалы относительно фараона и какова бы ни была степень их верности, выражения, в которых они к нему обращались, исполнены подобострастия, переходящего часто, как и все на Востоке, всякие границы»⁴⁰; «Это “Царство Стран”, под верховенством персидского царя (Кира. – А.З.), было переходной ступенью в истории Востока к более централизованной империи Дария и Ксеркса»⁴¹.

Разумеется, в результате такого словоупотребления возникает вопрос о соотношении «Востока вообще» и «древнего Востока»; усложняет проблему наличие «дальнего Востока», к которому Б.А. Тураев относит (если исходить из определения «древнего Востока» как «области культуры») регионы к востоку от Гиндукуша и Соломоновых гор, включая Индию. Приведем одно из наиболее важных высказываний Б.А. Тураева:

«Имели ли древний и дальний Восток общий корень культуры, или их цивилизации возникли независимо и потекли по параллельным руслам? Наука пока не дает ответа на этот вопрос. Китайская и вавилонская, даже древнеамериканская культуры имеют немало аналогий; непосредственные сношения между ними могли существовать, но сведения об этом еще слишком несовершенны. Поэтому нашему рассмотрению будут подлежать исторические судьбы народов, среди которых элементы этой цивилизации возникли, то есть египтян, древнейших обитателей Сеннаара, затем семитов Вавилонии и Ассирии. Далее следуют народы, культура которых менее самостоятельна и находится в большей или меньшей зависимости от двух предшествующих, а именно: а) семиты Сирии, Аравии и Финикии, переселившиеся семитическое население и восточную культуру на дальний Запад; б) племена “алародийской” или “яфетической” расы, которая, занимая северные области древневосточного мира, распадалась на отдельные народности: хеттов, митанни, халдов; в) эламиты, народ не семитический и не арийский; г) негро-нубийское население мероитского царства; и, наконец,

д) древнейшие представители арио-европейского элемента, особенно мидяне и персы, которым принадлежит завершение дела объединения большей части древневосточного мира в одну правильно организованную империю»⁴².

---

³⁸ Там же. Т. II. С. 206.

³⁹ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. С. 3, 4, 6.

⁴⁰ Здесь Б.А. Тураев характеризует взаимоотношения между фараонами XVIII династии и их азиатскими вассалами – правителями различных подчиненных египетской власти областей в Азии.

⁴¹ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. С. 104, 278. Т. II. С. 118.

⁴² Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. С. 2–3.

Самое любопытное в данной цитате – это то, что древний Восток как единая цивилизация (в том, что Б.А. Тураев предпочитал такое толкование, в свете приведенных выше текстуальных данных вряд ли приходится сомневаться) характеризуется посредством перечисления входящих в него элементов, а вовсе не указанием общих черт, которые разделяют все члены класса. Это экстенциональный способ образования логического класса⁴³. Следовательно, класс «древний Восток» конструируется Б.А. Тураевым при помощи двух разных способов. В той мере, в какой он полагает его единым объектом, что выражается определениями «область культуры», «цивилизация» и особенно «первая глава истории человечества» и «первый отдел всемирной истории», он пользуется интенциональным способом образования логического класса: задается как условие общий признак, которому должны удовлетворять все члены класса⁴⁴. Так как монография Б.А. Тураева не содержит перечня общих существенных черт того, что можно называть «древневосточным обществом»⁴⁵, попробуем найти его атрибуты.

Начнем с анализа самого словосочетания «древний Восток». Его можно разложить лишь на два компонента. Первое: термин «древний» отсылает к линии времени, на которую для исследователя проецируется многообразное. Это многообразное (Шумер, Египет, Хеттское царство или «Законы Хаммурапи», «Повесть о Синухете», «Эпос о Керете» и т. п.) связывается воображением в целостное представление, имеющее временную структуру. Вторая отсылка – географическая, а точнее – пространственная. Воображаемый древний Восток имеет не только временную, но и пространственную характеристику. Вспомним «область культуры, зародившейся в подтропических странах, примыкающих к восточным берегам Средиземного моря, и распространившейся до Индии, Атлантического океана и тропической Африки». Могут возразить: почему воображаемый? На это можно ответить указанием на то, что ни одно древнее общество (и не только оно) не дано непосредственно. Могут спорить и с этим, но это не будет очень убедительно. Читая Библию, например, я вижу буквы, которые связываю в слова, слова – в предложения, а Библия как целостное повествование существует лишь постольку, поскольку в воображении удерживается прочитанное ранее⁴⁶. Возвращаясь к анализу «древнего Востока», можно предположить, что аналитически невозможно доказать необходимость

⁴³ *Kacшyep Э.* Философия символических форм / пер. с нем. Т. 3. М. – СПб., 2002. С. 240–241; *Russell B.* Principles of Mathematics. Vol. I. L., 1903. По-видимому, следует уточнить, что классом в логике Б. Рассела назывался агрегат элементов, а в современной логике этим термином обозначается конечная или бесконечная совокупность выделенных по некоторому признаку предметов, мыслимая как целое. Согласно Канту, «всякое понятие... надо мыслить как представление, которое содержится в бесконечном множестве различных возможных представлений (в качестве их общего признака), стало быть, они ему подчинены...» (*Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. В 40). Он рассматривает понятие как «единство правила», которое «определяет все многообразное и ограничивает его условиями, которые делают возможным единство апперцепции... понятие по своей форме всегда есть нечто общее, служащее правилом» (*Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. А 105–106). Он пишет далее, что «представление о всеобщем условии, согласно которому может быть полагаяемо (стало быть, одним и тем же способом) какое-нибудь многообразное, называется правилом; оно называется законом, если согласно ему многообразное должно быть полагаяемо» (*Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. А 113). Таким образом, понятие есть единство представления о всеобщем условии, согласно которому может быть полагаяемо какое-нибудь многообразное. Именно этот подход позволяет, на мой взгляд, решить проблему глаголов, которые, будучи общими представлениями в том смысле, что посредством их мыслится связь (отношение) между полагаяемыми в качестве сущих предметами, должны найти свое выражение в логике. Б. Рассел был одним из тех, кто использовал для обозначения всего не-партикулярного термин «универсалия», причем он относил к ним и предлоги, а также их сочетания с существительными, например, «к северу от» (подробнее см.: *Рассел Б.* Проблемы философии // *Джеймс У.* Введение в философию. *Рассел Б.* Проблемы философии / пер. с англ. М., 2000. С. 222 и сл.). Каким бы термином мы ни пользовались, напрашивается вывод о том, что понятие не тождественно классу, класс можно считать лишь одной из разновидностей его.

⁴⁴ *Russell B.* Principles of Mathematics. Vol. I. Ch. 6. Sec. 71; цит. по: *Kacшyep Э.* Философия символических форм. Т. 3. С. 240.

⁴⁵ Выдающийся египтолог призывал «относиться крайне осторожно к общим выводам, широким обобщениям и красивым гипотезам в области древневосточной истории», причем «едва ли может идти речь об общих характеристиках культур (напр., о пресловутых: неподвижности, теократизме, деспотизме и т. п.), имевших историю в несколько тысячелетий, прошедших, несомненно, различные стадии развития и притом принадлежащих народам самых различных рас» (*Тураев Б.А.* История древнего Востока. Т. I. С. 6).

⁴⁶ *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. А 98 -114.

объединения всех элементов в один класс. Какие можно привести аргументы в пользу этой гипотезы? По-видимому, сильным аргументом будет указание на то, что границы созданного класса условны (как это отмечал сам Б.А. Тураев). Почему не присоединить к нему, например, древние Индию и Китай? Или убрать Карфаген?

«На вопрос о хронологических пределах истории древнего Востока давались разные ответы. Одни полагают, что она оканчивается там, где культурное первенство переходит к грекам, то есть на времена развития эллинской цивилизации, совпавшего с эпохой после столкновения эллинского мира с объединенным восточным в лице персидской монархии... Но рассматриваемая сама в себе, история восточных стран и после персидского завоевания обнаруживает тот же характер и те же явления, что и до него: национальные культуры продолжают не только жить, но и развиваться, политическая жизнь не умерла и нередко возрождается. Гранью, которая оставила более заметные следы в их судьбах и начала новую эпоху в их истории, были завоевания Александра Великого и планомерное распространение эллинизма, превратившее Восток из древнего в эллинистический. Но и этот переворот, усилив на почве древней культуры новые элементы, не уничтожил этой самой культуры... Народы древнего Востока большей частью рано приняли христианство, но и здесь они не вполне разорвали со своим прошлым, которое напоминает о себе то в суевериях, то в направлении литературы, то в характере богословского мышления, начиная с гностицизма. Мусульманское завоевание, переход множества потомков носителей древневосточных цивилизаций в ислам, господство арабской культуры, наконец, совершенное забвение туземных языков и культурное отчуждение от западного мира обусловили то, что древневосточные цивилизации были окончательно потеряны для историка... Таким образом, арабское завоевание было окончательной предельной гранью древнего Востока, но и христианизация последнего может также считаться концом его, так как новая религия не могла не внести существенных изменений в жизнь и мирозерцание народов, для которых религия была главным и основным элементом культуры. Отсюда в науке различаются Восток древний, христианский и мусульманский; древний с недавнего времени, по почину Масперо, весьма удачно стали называть классическим»⁴⁷.

Эта длинная цитата показывает, что Б.А. Тураев отдавал себе отчет о сложностях, порождаемых любой периодизацией. Однако он обходит полным молчанием вопрос о критерии для выделения «древнего Востока»: нельзя же считать таковым ссылку на религию, поскольку ни термин «древний», ни термин «классический» не содержат в себе ничего специфически религиозного. Кроме того, текст монографии Б.А. Тураева включает историю Ирана при Сасанидах (III–VII вв. н. э.), государство которых считается христианским не может ни по каким соображениям. Это известно историку: он пишет о провозглашении Сасанидами зороастризма государственной религией и о возвращении сасанидского искусства и архитектуры к «древневосточной основе»⁴⁸. Еще одна неясность: указав на возможность выделения «христианского Востока» наряду с древним и мусульманским, Б.А. Тураев не объяснил причины исключения из периодизации «эллинистического Востока». Тем самым можно сделать вывод о том, что предложенной Б.А. Тураевым периодизации присущи противоречия и что она в целом произвольна. Также не будет преувеличением утверждение о неясности понятия «Восток вообще». Тут наибольшие трудности возникают с необходимостью, не осознававшей самим Б.А. Тураевым, согласовать предложенное им выделение «древнего, христианского и мусульманского Востока» с известным ему существованием «дальнего Востока», который, будучи охарактеризован именно как «Восток», должен иметь с другими единицами классификации нечто общее.

---

⁴⁷ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. С. 3; см. также: Масперо Г. Древняя история народов Востока / пер. с фр. М., 1911; Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Vol. I–III. P., 1895–1908.

⁴⁸ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. II. С. 284, 287.

Так есть ли в построениях Б.А. Тураева та общая черта, которая присуща всем элементам класса «древний Восток»? Ответ, думается, лежит на поверхности: «древний Восток» есть «первый отдел всемирной истории», «первая глава истории человечества». Именно это качество является атрибутом данного класса, его понятием. Но поскольку мы оказались не в состоянии аналитически обнаружить этот признак в элементах класса, рассматриваемых сами по себе, и в его (класса) имени, постольку приходится сделать вывод о том, что «древний Восток» есть регулятивный, но не конститутивный принцип, т. е. его посредством организуется некий эмпирический материал. Иными словами, это понятие выходит за рамки опыта, хотя и относится к нему. Можно даже усомниться в том, что это именно понятие, т. е. «общее представление» в кантовской интерпретации, но для этого, видимо, нет достаточных оснований, о чем говорит то, что «древний Восток» сконструирован Б.А. Тураевым как тотальность пространственно-временного фрагмента действительности. Это тотальность, потому что речь идет о «первом отделе всемирной истории», и это пространственно-временной фрагмент, потому что он ограничен от других феноменов, пусть и произвольно.

Следует пояснить, почему «древний Восток» является регулятивным принципом, или идеей разума. Выше уже отмечалось, что это первый отдел (первая глава) всемирной истории, субъектом которой является человечество. Указывалось также, что Б.А. Тураев не включил «дальний Восток» в свои построения, видимо, полагая, что объединенные этим термином пространственно-временные феномены не относятся к всемирной истории. Последнюю он интерпретировал с христианских позиций, что доказывается текстом его монографии: «Библия за много веков до греков (Псевдо-Аристотеля) провозгласила идею единства человечества и создала даже хронологическую схему для этой всемирно-исторической концепции...»; «... еврейский народ опередил, может быть, своих более культурных соседей, не только созрев до идеи единства человечества, до и для классификации его по генеалогической таблице, знаменитой родословной народов в X гл[аве] книги Бытия»; «В интересующую нас эпоху (последние века до н. э. – первые века н. э. – АЗ.) иудейство выполнило свою мировую миссию: “из Сиона вышел закон” для всего человечества»⁴⁹.

Б.А. Тураев рассматривал всемирную историю как прогресс⁵⁰. Но, во-первых, человечество не может быть дано в созерцании, поскольку охватывает всех представителей вида *homo sapiens*, и живых, и умерших, и будущих. Оно не выводимо из опыта, ибо не тождественно биологическому виду: его сущность не заключается в наборе биологических признаков, а состоит в деятельности, предметами которой являются не только внешние объекты, но и оно само (это, собственно, гегелевское понятие духа). Следовательно, человечество не является эмпирическим по происхождению понятием. Таким образом, это идея разума. Во-вторых, прогресс также не может быть обоснован опытным путем, если мы прилагаем это понятие к человечеству и его истории в целом. Понятие «прогресс человечества» требует такого единства всех входящих в него условий, относящихся ко всем сторонам деятельности субъекта всемирной истории, которого никогда не может дать никакой опыт. Ведь если мы скажем, что человечество прогрессирует в одном и регрессирует либо стоит на месте в другом, то синтез этих высказываний опровергнет общее положение о прогрессе человечества в целом. Эмпирически мы можем констатировать прогресс в сфере материальной культуры, но в отношении всех остальных сфер это понятие использовать крайне затруднительно. Следовательно, прогресс человечества тоже является идеей разума, посредством которой организуется эмпирический материал (он *de facto* подчиняется априорно заданной сообразно постулату практического разума схеме). Поэтому «древний Восток», являющийся «первой главой всемирной истории», есть первый / начальный

---

⁴⁹ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. С. 4, 64. Т. II. С. 276.

⁵⁰ Тураев Б.А. История древнего Востока. Т. I. С. 147.

этап прогресса человечества, по мнению Б.А. Тураева, и идея разума, согласно нашему исследованию его логического статуса.

Таким образом, рассмотрение монографии Б.А. Тураева позволяет предположить, что конструирование понятий историографии связано со временем и пространством как априорными формами созерцания⁵¹ и что «древний Восток» оказался идеей разума по крайней мере в этой концепции, а вовсе не эмпирическим понятием.

Далее исследуем теоретические воззрения В.В. Струве, в течение сорока лет бывшего ведущим советским востоковедом – историком «древности» – с середины 1920-х до середины 1960-х годов. Проанализировать хотелось бы его «Историю древнего Востока»⁵². Внимание именно к этому тексту обусловлено тем, что это одна из немногих книг, посвященная «древнему Востоку» вообще, написанная в основной своей части одним автором и потому дающая возможность рассмотреть соотношение общих положений и эмпирических описаний.

В.В. Струве пишет: «История древнего Востока есть история древнейших классовых обществ. Она охватывает собою историю многочисленных народов и племен, населявших обширную территорию от берегов Средиземного моря и Эгейского моря до Великого океана, на протяжении нескольких тысячелетий – от возникновения классового общества в середине пятого тысячелетия и до конца VI века до н. э. Таким образом, и географические, и хронологические рамки истории древнего Востока чрезвычайно широки. Самое понятие “древний Восток” условно; ведь большинство “восточных” государств лежит, например, по отношению к СССР не на восток, а на юг. Термин, которым мы определяем “восточные” страны, восходит к древним временам, когда эти страны были провинциями Римской империи и действительно лежали на восток от Рима. Несмотря на условность термина, мы можем называть изучаемые страны восточными, но за этим термином мы не должны забывать, что никакой пропасти между “Западом” и “Востоком” не существует»⁵³.

Вместе с тем В.В. Струве дает и иное истолкование: «История древнего Востока представляет собою историю многочисленных племен, народов, государств, то появлявшихся, то исчезающих с арены истории. Древний Восток охватывает громадную территорию, населенную древнейшими народами»⁵⁴.

Прежде всего, следует отметить, что утверждение «История древнего Востока есть история древнейших классовых обществ» есть сущностное определение: в самом деле, не может быть других древнейших классовых обществ, или, точнее, согласно ему, все древнейшие классовые общества могут принадлежать только логическому классу «древний Восток». Таким образом, сразу задается общий признак класса, следовательно, мы имеем дело с интенциональным способом его образования. Но далее В.В. Струве начинает перечислять входящие в этот класс элементы, пока не называя их более конкретно, и тем самым готовит переход к экстенциональному способу. Можно также утверждать, что выделение атрибута класса «древний Восток» вступает в противоречие с тезисом об условности этого «понятия» (*Sic!*). При этом не вполне понятно, как согласовать цитированные выше высказывания друг с другом: ведь если «история древнего Востока есть история древнейших классовых обществ», то все входящие в нее «племена, народы, государства» должны быть классовыми. Вместе с тем в этих высказываниях сразу обнаруживается проекция на единую линию времени и географические параметры конструируемого объекта, что вновь подтверждает фундаментальную важность априорных форм созерцания.

---

⁵¹ Это, конечно, идея Канта, и я лишь попытался применить ее к конкретным историографическим феноменам.

⁵² Струве В.В. История древнего Востока. Л., 1941.

⁵³ Там же. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 8.

Территория, которую В.В. Струве относит к «древнему Востоку», в его построениях объединяет народы, племена и государства через ее характеристику как «арены истории», а это явная метафора. Тем самым различные образования (классовые общества и т. п.) оказываются «актерами» на этой сцене. Но поскольку они не даны в имени «древний Восток», В.В. Струве вынужден перечислить их (хотя далеко не всех – в пособии появятся и другие), а следовательно, перейти к экстенциональному способу образования логического класса: «Наиболее значительными из них (стран. – АЗ.) были государства, возникшие в Месопотамии, в долине рек Тигра и Евфрата: Шумер и Аккад, затем Вавилония и Ассирия. В ближайшем соседстве от них на востоке лежали государства Элама, Мидии и Персии, а на север от Ассирии, на Армянской возвышенности, государство Урарту... На полуострове Малой Азии... было государство хеттов. Южнее Малоазийского полуострова, по восточному берегу

Средиземного моря, расположены многочисленные торговые города Финикии, восточней от них, ближе к Евфрату, – города Сирии, а южнее Финикии – государства Палестины: Израиль, Иуда, Моав и другие. На восток от Иранского плоскогорья, по долинам рек Инда и Ганга, на полуострове Индостана, лежали древние государства Индии, а у берегов Великого океана по долине Хуан-хэ и Янцзы-цзян возникло государство Китая. Единственным государством древнего Востока, расположенным в Африке, был Египет...»⁵⁵.

Легко заметить, что перечисленные В.В. Струве государства объединены условно, что впрочем, естественно для класса, элементы (но не содержание!) которого определены перечислением: в самом деле, взаимоотношения Индии и Китая с другими странами возникли позднее, чем появились государства в Месопотамии и Египте, которые и были в строгом смысле слова «древнейшими»; а Израиль и Иудейское царство были кратковременными (например, в сравнении с Ассирией и тем более Египтом) историческими деятелями. В.В. Струве объясняет включение Индии и Китая в класс «древний Восток» тем, что они «внесли свою долю в сокровищницу общечеловеческой культуры» и являлись классовыми⁵⁶. Для предпринятого мною анализа в этой аргументации важна в первую очередь идея «общечеловеческой культуры».

Каков критерий, позволяющий судить о том, является ли некое явление частью общечеловеческой культуры? В.В. Струве на этот вопрос не отвечает и, более того, его вообще не задает (в этом он, правда, не одинок). Я не берусь судить об этом критерии, но хотел бы подчеркнуть, что идея общечеловеческой культуры логически связана с идеей человечества. Поскольку же последнее есть лишь регулятивный принцип, постольку эмпирически мы не можем избежать произвольных суждений при подведении явлений под него. В самом деле, допустим, что Индия и Китай внесли свою лепту в эту культуру. Является ли это достаточным основанием для того, чтобы отнести их к логическому классу «древний Восток»? Думается, что недостаточно, так как никто не сможет доказать, что, во-первых, древние политики Вьетнама, появившиеся в IV в. до н. э., не заслуживают места в домене общечеловеческой культуры, хотя их В.В. Струве и не рассматривает; а во-вторых, значительное число кочевых народов, таких как скифы, тоже относятся к человечеству (если исходить, как делает В.В. Струве, из теории исторического материализма, согласно которой человечество и вид *homo sapiens* совпадают своими объемами), следовательно, они тоже внесли свой вклад в эту культуру. В любом случае, ясно, что без четкого критерия мы не можем пользоваться понятием общечеловеческой культуры.

По-видимому, данный тезис нуждается в дополнительной аргументации. За неимением места ограничусь лишь некоторыми рассуждениями. Итак, известно, что термин «культура» обладает уже более чем тысячей определений, что существенно затрудняет его применение без оговорок: он уже близок к тому, чтобы быть семантической пустотой, коннотируя как объеди-

⁵⁵ Струве В.В. История древнего Востока. Л., 1941. С. 3.

⁵⁶ Там же. С. 4, 5.

нения людей, так и способы их поведения, как отдельные артефакты, так и мыслимое «царство ценностей». Поэтому любой разговор о «культуре» и ее соотношении с любым иным понятием требует уточнения исходных посылок. Размышления об использовании этого слова в языке убедили меня в том, что оно, с одной стороны, обозначает нечто сущее (в этом смысле говорят о русской культуре или о культуре земледельческого труда), а с другой – нечто должное (тогда речь идет о культурном человеке, культурных ценностях). Объединить должное и сущее в рамках одного толкования довольно сложно. Поэтому я остановлюсь на трактовке культуры как социально значимого опыта⁵⁷, хотя должен заметить, что в этом случае возникает проблема «опыта», рассматривать которую здесь нет возможности.

Если культура есть социально значимый опыт, то общечеловеческая культура есть такой опыт, который значим для всего человечества. Если мы исходим из того, что человечество охватывает и умерших, и ныне здравствующих, и будущих людей, то как мы можем найти некий опыт, значимый для них всех? И более того, как осуществить эмпирическую проверку любого положения, к этому опыту отнесенного? Даже «общечеловеческие ценности», например, право на жизнь, не могут быть верифицированы, так как всегда найдутся контрпримеры. Так, если мы определяем раба как «говорящее орудие» (*instrumentum vocale*) и, следовательно, рассматриваем его как вещь, то по отношению к нему говорить об этом праве крайне проблематично: как вещь он есть пассивное начало, которое целиком подчинено господину. Любое заказное убийство тоже может быть использовано в качестве свидетельства того, что в том обществе, где оно имело место, по крайней мере некоторые его (общества) члены не разделяют данной ценности. Поэтому можно утверждать, что общечеловеческая культура, общечеловеческие ценности суть лишь регулятивные, а не конститутивные принципы, применение которых если и возможно, то лишь с точки зрения практического разума.

Возвращаясь к В.В. Струве, отметим, что он все-таки допускает существование «древнего Востока» как целостности, что подтверждается упоминанием «древневосточного общества»: «С этого момента (конца III тысячелетия до н. э. – А.З.) и наступает период расцвета финикийских городов, оказавшихся расположенными в самом центре торговых путей Передней Азии и всего древневосточного общества»⁵⁸. Ссылаясь на это целостное образование, В.В. Струве использует и другие термины: «Это было большое торговое государство (Новоассирийская империя. – А.З.), причем торговые пути охватывали теперь весь древневосточный мир»; «Недаром древневосточные общества назывались бюрократическими монархиями»⁵⁹. Кроме того, В.В. Струве выделяет общие черты «древневосточных обществ». Но прежде чем перейти к их рассмотрению, следует указать на одну явную логическую ошибку – построение хронологии «древнего Востока». В первом приведенном выше определении

В.В. Струве датировал завершение истории «древнего Востока» концом VI в. до н. э. Как тогда можно объяснить то, что последняя принадлежащая его перу глава книги «Организация Персидского царства при Дарии I» кончается рассказом о падении Персидского царства в результате его завоевания Александром Македонским в IV в. до н. э.⁶⁰?! Поскольку же В.В. Струве настаивает на включении в историю «древнего Востока» Индии и Китая, постольку еще более непонятно, почему история Индии доведена до IV в. н. э.⁶¹. Н.А. Шолпо, писавший об Индии и Китае, завершил политическую историю последнего падением династии Хань в 220 г. н. э.⁶². В защиту В.В. Струве в данном случае можно сказать, что «мы должны иметь

---

⁵⁷ Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М., 1999. С. 32.

⁵⁸ Струве В.В. История древнего Востока. С. 270.

⁵⁹ Там же. С. 336, 182.

⁶⁰ Струве В.В. История древнего Востока. С. 386–388.

⁶¹ Там же. С. 4, 425.

⁶² Там же. С. 453.

в виду в каждом отдельном случае исследования какое-либо конкретное общество»⁶³, но это не аргумент в пользу того, чтобы выбирать без обоснований для завершения истории какого-либо периода любую дату, если он определен интенционально. В противном случае получается абсурдная ситуация: «история древнего Востока» завершилась в конце VI в. до н. э., но она продолжалась в Индии и в Китае, а также в Персидском царстве Ахеменидов.

Об отличительных чертах древневосточных обществ В.В. Струве пишет: «Эти особенности заключаются прежде всего в сохранении некоторых черт первобытно-общинного строя, в сохранении сельской общины, сохранении некоторых элементов патриархальных отношений, в несколько замедленном, застойном характере развития общества, в чрезвычайной стойкости общинных форм собственности на землю... Деспотическая власть царя в области политической надстройки также является отличительной чертой древневосточных государств»⁶⁴. В.В. Струве полагает, что «история древнего Востока показывает нам появление и развитие рабовладельческого строя», который «приобретает своеобразные черты, отличающие его от античного рабства»: «Говоря о процессе развития рабства у варварских германских племен, Энгельс подчеркивает, что «они не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства...». На древнем Востоке рабство сохраняет характер домашнего рабства, оно еще не проникает во все сферы хозяйственной жизни, количество рабов относительно невелико, производство носит преимущественно натуральный характер»⁶⁵. Последняя особенность, отмеченная В.В. Струве, – та, что «основой хозяйства восточных обществ является искусственное орошение, ирригация»⁶⁶.

Все эти положения требуют проверки на материалах анализируемой монографии. Затруднение состоит в том, что далеко не всегда перечисленные особенности вообще можно обнаружить в предлагаемых В.В. Струве повествованиях о конкретных «древневосточных обществах» (предположим пока, что эти особенности суть атрибуты).

Начнем с проблемы восточной деспотии. Во-первых, применительно к Финикии используется термин «города-государства»; в главе о ней при описании государственного устройства нет ни слова о деспотии⁶⁷. Как соотносятся понятия «деспотия» и «город-государство», не ясно. Если признать «деспотию» характерной особенностью древневосточных обществ, то Финикия, которая не описывается при помощи данного понятия, к таковым не относится. Во-вторых, Финикия – не единственная из стран, о которых идет речь в пособии и которые не характеризуются как деспотии: Элам и царства Израиля и Иуды, например, тоже описаны без использования этого термина⁶⁸. Но если деспотия есть отличительная особенность «древнего Востока» и если «история древнего Востока представляет собою историю многочисленных племен, народов, государств», то тогда у всех этих племен и народов, не говоря уже о государствах, формой политического устройства должна быть деспотия. Поскольку это требование логики не выполняется даже применительно к государствам, постольку можно утверждать, что одна из предполагаемых отличительных черт класса «древний Восток» – деспотия – не является его необходимым признаком.

В связи с утверждением В.В. Струве о господстве на «древнем Востоке» рабовладельческого строя заметим, что, во-первых, ссылаясь на утверждение Ф. Энгельса о германских племенах, которые «не довели у себя рабства до его высшего развития, ни до античного трудового рабства, ни до восточного домашнего рабства...», показывает как раз отличие античности

---

⁶³ Там же. С. 6.

⁶⁴ Там же. С. 6.

⁶⁵ Струве В.В. История древнего Востока. С. 5, 7.

⁶⁶ Там же. С. 7.

⁶⁷ Там же. С. 80, 268–281, особенно 275–276.

⁶⁸ Там же. С. 120–123, 282–300.

от Востока и противоречит другим высказываниям самого В.В. Струве: «...никакой пропасти между “Западом” и “Востоком” не существует»; «неправильно было бы вместе с тем подчеркивать... абсолютное отличие древневосточных обществ от обществ Греции и Рима»⁶⁹. Во-вторых, опять-таки вовсе не каждый социум, о которых ведет речь В.В. Струве, оказывается рабовладельческим. Примером может служить тот же Элам: хотя эламиты и захватывали в Вавилонии военнопленных, «которых обращали в рабство», это единственное упоминание рабов во всей главе⁷⁰. Даже в главе № 9, посвященной I вавилонской династии, В.В. Струве пишет: «Однако основную массу непосредственных производителей составляли крестьяне»⁷¹. Это означает, что социально-экономический строй данного общества («рабовладельческий») определяется по второстепенному признаку: обыкновенного наличия рабов, не являвшихся основными производителями, оказывается достаточно для характеристики общества в целом, а это весьма распространенный литературный прием метонимии, состоящий в том, что целое обозначается своей частью (не обязательно главной).

Когда В.В. Струве пишет о «несколько замедленном, застойном характере развития общества» на «древнем Востоке», то нужно прояснить соотношение понятий «замедленный» и «застойный». Не ясен и термин «застойное развитие»: не является ли это *contradictione in adjecto*, если развитие понимается не как изменение вообще (тогда перед нами два термина для обозначения одной и той же категории), а как «процесс перехода из одного состояния в другое, более совершенное»⁷². В некоторых случаях В.В. Струве прямо указывает на застойность обществ «древнего Востока»: «В застойном обществе Египта пережитки матриархата еще не были преодолены в тот момент, когда оформлялся этот культ основных сил природы»; «...этот памятник («Диалог между господином и рабом о смысле жизни». – А.З.) проникнут безнадежным пессимизмом. Мы не находим в приведенных произведениях вавилонской литературы («Диалог...», «Невинный страдалец»⁷³. – А.З.) оптимизма, бодрости, характерных для эпохи подъема, восхождения рабовладельческого общества в Греции и Риме. Застойность древневосточного общества, отсутствие четких перспектив отразились в этих произведениях с большой яркостью»; «Общины обеспечивали солидную основу для застойного древневосточного деспотизма»⁷⁴.

В других местах В.В. Струве подчеркивает скорее изменчивость, чем неподвижность описываемых обществ, но делает это так, чтобы не уничтожить идею застойности, деспотии как формы политической надстройки, медленного темпа эволюции сельских общин: «Медленно в течение последующих веков развивались производительные силы шумерского общества»; «Обработка земли в ирригационном хозяйстве (Шумера. – А.З.) была делом настолько сложным, что доверить его рабу можно было лишь на более высокой ступени развития производительных сил»; «Снова среди знати номов поднимается недовольство громоздкой политической организацией (Нового царства Египта при XIX и XX династиях. – А.З.), то есть то самое

⁶⁹ Струве В.В. История древнего Востока. С. 3, 6.

⁷⁰ Там же. С. 120–123, 121.

⁷¹ Там же. С. 101.

⁷² В подтверждение того, что В.В. Струве понимал «развитие» во втором из указанных смыслов, можно привести такое его высказывание: «Первые классовые общества возникли в той полосе земного шара, которая раньше других областей северного полушария получила возможность для развития человеческого общества» (Струве В.В. История древнего Востока. С. 4). Здесь можно видеть указание на идею прогресса.

⁷³ У В.В. Струве этот текст не имеет названия, именуясь описательно: «вавилонское произведение о страданиях одного благочестивого ниппурского гражданина» (История древнего Востока. С. 117). Наименование «Невинный страдалец» сейчас распространено в историографической традиции, хотя в древности эта поэма называлась «Владыку мудрости я хочу восславить» по своей первой строке (Лудлул бел немёки) (Афанасьева В.К. Вавилонская идеология и культура // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия / под ред. И.М. Дьяконова. М., 1983. С. 475).

⁷⁴ Струве В.В. История древнего Востока. С. 211, 119, 70.

движение, которое было в конце Древнего царства, когда номы, тяготясь деспотией фараона, начали освобождать себя от повинностей, имевших общеегипетский характер»⁷⁵.

В.В. Струве пишет, что «основой хозяйства восточных обществ является искусственное орошение, ирригация» (см. выше). То, что это фактически пересказ письма Ф. Энгельса К. Марксу, не столь важно. Для В.В. Струве, писавшего свою «Историю древнего Востока» в конце 1930-х годов, ссылки на классиков марксизма-ленинизма, включая И.В. Сталина, были необходимы. Но в результате возникали несоответствия между различными фрагментами единого текста (отнюдь не у одного В.В. Струве). Представление об ирригации как основе хозяйства древневосточных обществ не подтверждается Финикией (уже известной нам своим нарушением теоретической конструкции восточной деспотии)⁷⁶. В.В. Струве начинает свой рассказ о ней знаменитой цитатой:

«Финикийское общество в истории древнего Востока является типичным торговым обществом. “Финикияне, – говорит Маркс, – народ торговый *par excellence*”⁷⁷. Подобное общество, конечно, могло сложиться только тогда, когда уже существовали общества Египта и Вавилонии, которые для развития своего хозяйства нуждались в посредниках по снабжению их техническим сырьем»⁷⁸.

Впрочем, об ирригации нет ни слова в рассказе о «древней Ассирии», зато о городе Ашшур сообщается, что он в III тысячелетии до н. э. «имел преимущественно торговое значение, снабжая Вавилонию необходимым ей техническим сырьем»⁷⁹. Следовательно, ирригация в качестве характерной особенности «древневосточных» социумов *de facto* не является их атрибутом.

Таким образом, выделенные В.В. Струве отличительные признаки «древнего Востока» не являются необходимыми чертами этого понятия. Попробуем объяснить это явление. Прежде всего, попытаемся сделать это, вспомнив о том, что этот класс образован двумя различными способами: интенциональным и экстенциональным. Используя первый способ, достаточно показать, что описываемые социумы были классовыми (в марксистском смысле слова), и тогда, если верна их пространственно-временная характеристика, они вполне могут быть включены в созданный логический класс. Но при этом возникает та несообразность, что истинно древнейшими классовыми обществами могут быть лишь немногие из описанных в монографии В.В. Струве, а именно Шумер и Древний Египет. Общества II–I тысячелетия до н. э., которые советские историки относили к классовым, включают уже и Грецию, и Рим, а потому грань между ними и «древневосточными социумами» нуждается в обосновании, причем посредством установления существенных черт феномена. Это удастся В.В. Струве с известным трудом, так как выделенные им черты таковыми не являются. В целом он возвращается к идее Г. Масперо и Б.А. Тураева о том, что «древний Восток» был предшественником античного мира не только по времени своего существования, но и по положению в мировой истории⁸⁰.

Но есть одно отличие: В.В. Струве подчиняет «древний Восток» понятию рабовладельческой формации. На древнем Востоке, по его мнению, рабовладельческие отношения «сохраняют характер домашнего рабства», отличный от «античного трудового» рабства. Это две стадии (низшая и высшая) в рамках одной формации. Сама рабовладельческая формация является элементом теоретического построения хорошо известной теории – исторического материализма. Согласно этой концепции, человечество прошло в своем прогрессивном развитии

---

⁷⁵ Струве В.В. История древнего Востока. С. 68, 69, 206.

⁷⁶ Там же. С. 268–281.

⁷⁷ Маркс К. Капитал / пер. с нем. Т. I. М., 1937. С. 147. Прим. 90.

⁷⁸ Струве В.В. История древнего Востока. С. 268.

⁷⁹ Там же. С. 239–246.

⁸⁰ Струве В.В. История древнего Востока. С. 7.

пять формаций. Таким образом, мы снова встречаемся с идеями разума, одной из которых является «древний Восток» (в качестве подчиненной идеи).

До этого момента я использовал взгляды на образование логических классов Б. Рассела⁸¹. Но для решения проблемы понятия этого явно не достаточно. Уже Э. Кассирер писал: «Ведь очевидно, что еще до того, как элементы начинают группироваться в класс и экстенсивно указываться путем перечисления, должно быть принято решение: какие элементы считать принадлежащими этому классу. На этот вопрос можно ответить только на основании понятия класса в «интенциональном» смысле слова. Объединяемые классом члены связываются друг с другом за счет выполнения ими определенного условия, сформулированного в общем виде» (выделено Э. Кассирером. – АЗ.)⁸². На первый взгляд может показаться, что мы вернулись к логике необходимых и достаточных условий для образования понятия. Но исследования целого ряда мыслителей, например Л. Витгенштейна и М. Вебера, показали, что целый ряд понятий невозможно определить исходя из этой логики, например, понятие «игры», которое создается по логике прототипа (или идеального типа)⁸³. При этом невозможно отказаться и от логики необходимых и достаточных условий, которой удовлетворяет любой геометрический концепт, например, «треугольник»⁸⁴. Можно ли предположить, что «древневосточное общество» сконструировано посредством логики прототипа?

Если исходить из предложенных В.В. Струве отличительных черт древневосточных обществ и вспомнить о том, что они в свете нашего анализа не могут считаться их атрибутами, то можно сделать вывод о том, что «древневосточное общество» построено востоковедом не по принципу необходимых и достаточных условий. Следовательно, выбранные им признаки суть типические черты: они вероятны, но не обязательны и свойственны рассматриваемым обществам в разной степени. Но как тогда быть с имеющимся налицо и играющим важную роль в построениях В.В. Струве сущностным определением «История древнего Востока есть история древнейших классовых обществ»? Ведь, как уже отмечалось выше, не может быть иных древнейших классовых обществ, кроме тех, что относятся к «древнему Востоку». Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о конфликте логики необходимых и достаточных условий и логики прототипа при конструировании понятия «древнего Востока». По-видимому, этот конфликт имеет одной из своих предпосылок то обстоятельство, что «древний Восток» есть идея разума, а не эмпирическое понятие.

Напротив, те черты, которые выделяет В.В. Струве, суть эмпирические по происхождению понятия. Наименее проблематичен в этом отношении концепт «ирригации», т. е. искусственного орошения. Такие понятия, как рабство и производные от него, сельская община, государство, всегда могут быть интерпретированы эмпирически. Мы можем описать отношения рабства между двумя и более индивидами в общезначимых терминах. Сложнее обстоит дело с сельской общиной и государством: ряд исследователей полагает, что последнее есть идея (и то же можно сказать об общине). Не вдаваясь в дискуссию, отмечу лишь, что широко известные признаки государства, выделенные Ф. Энгельсом (отделенная от народа публичная власть, территориальное деление, налоги и аппарат принуждения), эмпирически подтверждаются, по крайней мере, на материалах истории Европы XIX-XX вв. Наиболее сложно с точки зрения своего статуса понятие общества, но думается, оно тоже вполне дедуцируемо из опыта (посредством категорий). Например, возьмем известное определение К. Маркса: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды

---

⁸¹ *Russell B. Principles of Mathematics. Vol. I.*

⁸² *Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. С. 241.*

⁸³ *Витгенштейн Л. Философские исследования // Его же. Философские работы (часть I) / пер. с англ. М., 1994; Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М., 1990.*

⁸⁴ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft. A 105, B 180.*

находятся»⁸⁵. Любое человеческое объединение существует постольку, поскольку в нем есть отношения между индивидами. Примерами могут служить карточная партия, разговор в очереди в магазине, научная дискуссия⁸⁶.

Возвращаясь к построениям В.В. Струве, хотелось бы указать на то, что эмпирические по своему происхождению понятия отнюдь не необходимо связаны с пространственно-временной характеристикой: они часто универсальны. Все выделенные востоковедом признаки вполне могут быть встречены вне границ древнего Востока: рабовладельческий юг США до Гражданской войны 1861–1865 гг., восточные деспотии средневекового Востока, ирригация, наличествующая в современном мире, и т. п. Классовые общества существовали и после древнего Востока, поэтому сущностной является спецификация «древнейшие» (временное определение). Поэтому конфликт логик, отмеченный выше, вызван, видимо, разными источниками познания: разумом, рассудком и чувственностью. Из самого по себе пространственно-временного определения невозможно вывести конкретных объектов с их специфическими признаками. Предложенные В.В. Струве характерные черты древнего Востока не являются ни временными, ни пространственными характеристиками. Следовательно, синтез их с древним Востоком не может быть дедуцирован из его сущностного определения (данного В.В. Струве). Поэтому связь этих признаков как предикатов и древневосточного общества как субъекта суждения является проблематической.

Итак, можно сделать некоторые выводы. Понятие «древний Восток» представляет собой идею разума. При его конструировании имеет место конфликт логики необходимых и достаточных условий и логики прототипа. Выделяемые отличительные черты его оказываются лишь перечнем типических черт класса, но не необходимыми условиями, а также осмысляются при помощи эмпирических по происхождению понятий. Определение «древнего Востока» как «древнейших классовых обществ» в своей сущности оказывается временной характеристикой (в сочетании с термином «Восток» пространственно-временной) особой стадии всемирной истории.

---

⁸⁵ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1858 гг. Ч. I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / пер. с нем. Т. 46. Ч. I. М., 1968. С. 214.

⁸⁶ Если понятие общества специфицировать до «человеческого общества» и истолковать последнее как синоним человечества («человеческое общество в целом»), то тогда, конечно, оно становится идеей разума, ибо снова требует мыслить такое единство объекта, который никогда не может быть дан в опыте. Впрочем, это – уже интерпретация идеи, а не определение понятия общества.

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО НАСЛЕДИЯ

ОРИЕНТАЛИЗМ – НЕ ДОГМА, А РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ?

О переводах и понимании книги Э.В. Саида в России⁸⁷

В.О. Бобровников

Почти сорок лет тому назад, в 1978 г., американский ученый палестинского происхождения Эдвард Саид опубликовал книгу, которой суждено было оказать революционное влияние на методологию и направление гуманитарных исследований. Его «Ориентализм»⁸⁸ рассматривает роль западной науки и ее популяризаторов от политики и беллетристики в создании стереотипа колониального Востока. Время показало, что концепция Саида провокативна, но вместе с тем и продуктивна. Книга стала бестселлером. В 1995 г. вышло ее дополненное второе издание, в 2003 г., незадолго до своей смерти, Саид написал к ней новое введение. Еще в 1980-е годы началось победное шествие «Ориентализма» по миру: к середине 2000-х годов книга была переведена на 36 языков, включена в программы по новейшей истории большинства зарубежных и некоторых российских университетов. За рубежом работа Саида спровоцировала непрерывающийся поток научных публикаций, посвященных критике колониальной науки и политики. В России ничего подобного не произошло. Несмотря на падение «железного занавеса» и поток западных публикаций, хлынувший в страну лет десять-пятнадцать тому назад, «Ориентализм» не вызвал отклика в сердцах большинства российских гуманитариев.

В какой-то степени молчание наших историков и востоковедов можно понять. По своему содержанию работа Саида злободневнее для Западной Европы и США. Речь в ней идет о вкладе западной – в основном англо-американской и французской – ориенталистики в утверждение колониального доминирования Запада над Ближним Востоком и другими регионами третьего мира. По этой причине книга затронула (и разобидела) прежде всего востоковедов из бывших западных колониальных империй. Русская история и ориенталистика самого Саида не интересовала. Он совершенно не знал российской фактуры, по причине чего во всех изданиях книги Российская империя и Советский Союз упомянуты лишь мельком, в основном как объект американской или западной политики, а порой и как сопоставимый с ориентализированным Востоком образ Иного⁸⁹. Ни один из русских и советских востоковедов в ней не фигурирует. Саид подробно разбирает роль европейской беллетристики XVIII–XX вв. в распространении ориенталистских стереотипов, но из русских классиков вскользь упоминает лишь Льва Толстого. Ни Лермонтову, ни раннему Пушкину, в творчестве которых восточная экзотика и покорение русскими мусульманского Востока занимали большое место, в его книге не нашлось места. В общем и целом Россия занимает здесь маргинальное место.

Все это, однако, не означает, что для России ориентализм не актуален. Если вдуматься, история, этнография и востоковедение Российской империи и Советского Союза предостав-

---

⁸⁷ В основу статьи положен переработанный текст развернутой рецензии на русский перевод «Ориентализма» Эдварда Саида, опубликованной в журнале *Ab imperio*. 2008. № 2. С. 325–344.

⁸⁸ *Said, Edward W. Orientalism*. N.Y., 1978.

⁸⁹ В общей сложности 14 раз на 377 страниц убогистого текста. См.: *Said, Edward W. Orientalism*. 5th ed. L., 2003. P. 1, 9, 10–11, 17, 26, 100, 104, 191, 194, 215, 225, 229, 291, 292.

ляют немалые возможности как для истолкования, так и для критики концепции Саида, в частности его утверждения об отличии русского имперского ориентализма от «классических» европейских образцов⁹⁰. В первую очередь на ум приходят восточные мотивы русского Кавказа. На эту тему интересно писали английский литературовед Сьюзен Лейтон и американский историк Остин Джерсилд⁹¹. Отдельные (в основном американские и немецкие) историки пытались понять роль востоковедов и научных обществ в освоении «восточных окраин» Российской империи и СССР. Одной из первых публикаций на эту тему стал выпущенный в 1997 г., но уже ставший классикой сборник «Российский Восток»⁹²

---

⁹⁰ *Said, Edward W.* Op. cit. P. 17; *Idem.* Culture and Imperialism. N.Y., 1993. P. 10.

⁹¹ *Layton S.* Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge, 1994; *fersild A.L.* Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal, 2002.

⁹² *Russia's Orient. Imperial Borderlands and peoples, 1700–1917* / Ed. by Daniel R. Brower, Edward J. Lazzarini. Bloomington, 1997.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.